

ШАБА 1

— Сerezка, мне кажется, я начала поправляться!

Стоя у зеркала, Тая с притворным испугом трогала слегка увеличившиеся в объеме бедра, обхватывала себя в тонкой талии и старательно прятала от него самодовольство за нарочито расстроенным видом.

Да, она поправилась немного, но ведь это ей так идет. Девичья угловатость, сохранившаяся в студенческие годы благодаря пакетикам заварной каши на двоих и кефиру, бессонным ночам над детскими колыбельками и метанию между работой, домом и яслями, начала пропадать. Фигура приятно округлилась, не оплыла — нет, придав Тайке тот самый законченный, великолепный вид, которым и должна обладать всякая женщина, по его мнению.

Хаустов быстро отвел от жены жадный взгляд. Нельзя, нельзя было отвлекаться. Работы очень много. Работы ровно столько, что поспать сегодняшней ночью удастся часа три, не больше. На ужин потратил больше получаса, уже нехорошо. Почему так долго? Да потому что Тая позвала его в кухню задолго до того, как подала к столу горшочки с картошкой и мясом. А он поспешил на ее зов, на аро-

Галина РОМАНОВА

мат, вытеснивший из квартиры все остальные запахи. И непросохшей штукатуркой вроде уже из детской не пахло, а там ремонт шел полным ходом. И лаком яхтным с балкона не несло, а там тоже строители сегодня работали. Все заглушил, прихлопнул аромат чесночного бульона, в котором томилась молодая картошка с бараниной.

Он и помчался, на время отложив работу. Сел за стол, сразу потянув на себя плетенку с хлебом.

— Не порть аппетита, — заругалась на него Тая. — Скоро есть будем.

Но пришлось подождать. То мясо было жестковато, то бульон выкипел, пришлось доливать и снова ждать, пока тот опять примется фыркать сердитыми пузырями. Хаустов весь изнылся, таская хлебные корки — любил их с детства. И несколько раз порывался уйти снова в кабинет и продолжить работу. Супруга не позволила.

— Сейчас ты снова за компьютер засядешь, я тебя уже не вырву оттуда, милый. Все остынет. Станешь разогревать, а это уже не тот вкус. Нет уж, сиди. Неужели тебе на работе времени не хватает! — причитала Тая, то и дело засовывая нос в духовку. — Нет бы пришел, как всякий нормальный человек, с детьми бы поиграл. Со мной поговорил бы. Ведь не видим тебя совсем. Надо жить, Хаустов, как все нормальные люди!

— Вот ради того, чтобы жить, как все нормальные люди, я и работаю, Тайка. — Он улыбнулся, незаметно стырив еще одну корку с плетеной хлебницы. — Ты ведь дом за городом хочешь? Хочешь. Де-

тям образование приличное за границей хочешь дать? Да. А еще что моя милая хочет?

— Дом хочу на побережье, все равно каком, Сережа. — Тая мечтательно закатила глаза. — Пускай на Азовском, но лучше на Черном, конечно, но чтобы морские волны о мой порог бились. Представляешь, красота какая: просыпаешься утром, а за окном прибой. Это же... Ради такой мечты и умереть не жалко.

— Умирать не нужно, — резонно заметил муж-трудоголик. — Надо просто плодотворнее трудиться.

— Ага, — кивнула она с недоверием. — Так можно пропахать всю жизнь и умереть, так ничего и не добившись.

— Добьемся, Тайка, еще как добьемся. — Он улыбнулся загадочно и незаметно скрестил два пальца под столом: говорить на ветер не любил даже со своей женой. — Ты меня покорми только, да я пойду. Если станешь ворчать и вовремя не кормить мужа ужином, так и знай, стану оставаться на работе!

Она лишь рассмеялась в ответ, прекрасно зная, что делать этого он не будет. Чтобы Хаустов проторчал в своем, пускай и по последней моде оборудованном, кабинете до девяти или до десяти вечера, чтобы просидел там в пиджачной паре, галстук, намявших ступню стильных туфлях и не имел возможности потянуться с хрустом и зевнуть во все горло при этом?! Да черта с два!

Ему поскорее бы в душ, переодеться в домашние штаны и футболку, босым до кабинета своего пойти, попутно потрепав макушки сыновей, запереться изнутри, и все — нет его. Хоть вы там за

Галина РОМАНОВА

дверью на головах ходите, хоть кастрюлями гремите и стены переносите, его это не потревожит. Ему под домашний многоголосый ор и грохот всегда работается и думается легче. Он даже пугается, когда они затихают. Тут же выбежит, оглядит их всех, притихших перед телевизором. Кивнет, успокоившись и пересчитав их по белокурым головам, снова нырнет к себе...

— Милый, ну скажи, что я поправилась. — Тайка повернулась к зеркалу боком и попыталась втянуть плоский живот. — Мне кажется...

— Малыш, ты чего пришла, а? — Хаустов поморщился. — Мне работать надо, с ужином задержался, время упустил.

— Нет, ты скажи, мне плохо так? — Ее руки легли на бедра.

— Хорошо, очень хорошо, — пробормотал он рассеянно и добавил, чтобы выглядело убедительнее: — Но больше не поправляйся, идет?

— Хорошо. — Она кивнула и сказала с притворным расстройством: — Значит, все-таки я сильно прибавила в весе, раз ты так говоришь.

— Как? Ну как я говорю? — откликнулся тут же Хаустов: обижать супругу было не в его правилах.

— Ну, что больше мне нельзя прибавлять, — напомнила Тая, надув губки. — Конечно, я склонна к полноте, и мама у меня очень полная была. Мне надо следить за собой, а я мясо с картошкой на ночь жру. Неправильно это, да, Сереж?

— Ты и съела-то... — ответил он машинально, быстро бегая пальцами по клавиатуре. — Попплы-

• *Жизнь нежна* •

вещь — сядешь на диету. Зойка-то вон сидит, и ты тогда сядешь.

— Зойка! — фыркнула Тая, тут же поджав губы. — Нашел, кого в пример приводить. Она из-за лишних пятидесяти граммов крапиву жевать начинает. Я так не могу. Я люблю вкусно поесть. А Зойка... Ей лишь бы выглядеть. Она себя стольких радостей в жизни лишает.

— Каких, например?

Хаустов сразу насторожился, упустив какую-то важную мысль. Пальцы сделали опечатку.

Черт! Опять она начала эту тему. Теперь не остановать. Сейчас с Зойки плавно перекинется на ее мужа, то есть на его — Серёги Хаустова — сводного брата Алексея Хаустова. Начнет издали, но непременно скатится к тому, что они не умеют дружить между собой, а должны бы. Что Зойка могла бы быть и попроще, а то заносчивая очень. И детей им давно пора завести, а они все жмутся из жадности, хотя доходы уже выросли до высот небывалых.

— Тай, ну вот откуда ты знаешь, какие у них доходы?! — вспыхнул Сергей, он всегда злился, когда она трогала семью его брата. — Откуда?! И с чего ты решила, что детей они не заводят из жадности? Может, у них какие-нибудь физиологические проблемы? Зойка не может зачать или что-то в этом роде!

— Зойка не может! Да она что хочешь сможет! Она от карандаша зачать способна, не хочет просто. Она же тогда фигуру испортит. Ухищрялась, ухищрялась, ограничивала себя, ограничивала, и ради

Галина РОМАНОВА

чего? Ради того, чтобы через девять месяцев походить на бочку?

— Тая! — предостерегающе повысил голос Хаустов.

— Да это она так сказала, честное слово, Сереж. Стану я врать! Она такая фифа, разве ты до сих пор не понял?..

Если честно, то Зоя ему очень нравилась. Энергичная, деловитая, красивая, умная, и Алексея очень любила, кажется. Во всяком случае, всегда это подчеркивала и чувств своих не скрывала даже при посторонних. Хотя какие же они посторонние, они родня. И ему, к примеру, очень нравилось, когда Зоя целовала Алексея, прижималась к нему, гладила по плечам и мурлыкала что-нибудь нежное тому на ухо.

— Да она нарочно всегда это делает, Сережа! Нарочно! Вот, мол, какая я нежная и любящая. Смотрите и завидуйте, — сказала Тая с искренним возмущением. — Сегодня Леша, завтра кто-нибудь еще. Она любого станет облизывать. Разве нет?

Возразить было сложно, потому что Зойка когда-то его облизывала тоже. Недолго, всего лишь каких-то полгода, он с ней встречался, прежде чем познакомить со своим сводным братом, но и в течение этого времени с ее стороны, кроме ванильных флюидов, в его сторону не распылялось ничего.

Зоя никогда не бывала с ним раздражена, сердита, невежлива. Всегда улыбалась, радовалась его успехам, и казалось, так будет продолжаться вечно. Но потом она вдруг бросила его! Нет, бросила — неправильное, слишком грубое слово. Она вежливо ос-

тавила Сергея Хаустова, предпочтя ему более симпатичного, более удачливого и более обеспеченного Алексея Хаустова. И как-то так мягко и доходчиво смогла объяснить свое намерение прожить с Алексеем всю оставшуюся жизнь, что у Сергея не возникло даже и тени подозрения, что ею двигал элементарный расчет. Это уже Тая потом заронила подобные сомнения в его душу. Она смогла рассмотреть за выставляемым напоказ счастьем других Хаустовых Зойкин меркантильный интерес.

— Она очень хитрая, Сережа, — недоверчиво качала всегда головой его жена. — Хитрая и коварная. Вот смотри, она еще Лешке покажет!..

Шли месяцы, годы, но Зоя ничего, кроме своей искренней, казалось бы, любви к Алексею, не демонстрировала.

— Милый. — Тая оторвалась наконец от зеркала, подошла к нему со спины и легла щекой на его макушку. — Милый, хватит уже работать. Я соскучилась.

— Ну, погоди, малыш, погоди. — Он снова упустил в работе что-то важное и с раздражением двинул лопатками, пытаясь отогнать жену. — Ты же понимаешь, что если я не стану работать, то ничего не свалится нам на голову просто так.

— Кому-то свалилось, — едко поддела она, отходя от него. — Кому-то не то что свалилось, а просто с головой накрыло! Зойка-то, она не дура, предпочтя тебе другого брата, которому по завещанию досталось буквально все!

Сергей поморщился.

Снова началось! Снова ее понесло, и теперь уже

Галина РОМАНОВА

ничто не остановит. Столько лет прошло, а ей все не дают покоя условия завещания, оставленного отцом своим сыновьям от разных браков.

«Ты, Сергей, более сильный, более расчетливый, и хватка у тебя деловая, Лешке позавидовать, принимай фирму, — слабым голосом сказал он сыну за неделю до своей смерти. — Лешка, он не справится. Он ее не поднимет. Пускай в банке колупается».

Не сказать, что Сергея это очень сильно расстроило, но задело немного, скрывать это он мог ото всех, но не от себя.

С одной стороны, отец, который ушел из их семьи, когда Сергею было восемь лет, мог вообще ему ничего не оставить. Ушел из дома с одним саквояжиком, ничего не взяв. А огромная квартира в престижном районе уже тогда многого стоила, что говорить теперь. И счет приличный в банке на имя матери был открыт, она до самой смерти не бедствовала, нигде не работая. Вспомнил бы обо всех этих благах и отписал бы все своему второму сыну, с которым прожил до смерти. А он фирму Сергею оставил, которая, правда, только-только организовалась и прибыли пока никакой не приносила, но все же...

А с другой стороны, глодало глубоко внутри: почему все Лехе-то, почему?! И отец с ним был все время, а Сергей его был лишен. И частный банк теперь возглавит, где особо и напрягаться не стоило, все давно текло по проложенному и забетонированному отцом руслу. Неплохо, да: плюхнуться в давно нагретое кресло?!

Но Сергей никогда не показывал своих терзаний никому. Никому, тем более Тайке, которую условия

завещания задела, как никого. Он тихонько попереживал, да и только. А потом ушел с головой в работу. Увлекло, захватило. Прогнозы отца о его деловой хватке оправдали себя, фирма разрасталась, начала приносить прибыль. Все налаживалось, о чем было переживать! И с Лешкой, сводным братом, они были очень дружны, хотя когда-то давно даже не смотрели друг на друга, это когда Сергею доводилось приходить к отцу.

Правда, тут тоже был один скользкий момент. Настояла на их дружбе именно Зоя. Ее заинтриговало известие об имеющемся у Сергея сводном брате, с которым тот не поддерживает никаких отношений. Она пригласила их обоих к себе на день рождения. Из кожи вон лезла, чтобы растормошить, рассмешить и заставить пожать друг другу руки. Братья обнялись, пообещали милой девушке никогда не терять друг друга из вида, а потом...

А потом Зоя ушла к Леше. Но, как ни странно, на зародившейся дружбе братьев это никак не отразилось. У них даже состоялся мужской разговор, вежливо поддерживаемый Зоей, — она присутствовала. И финалом этого разговора явилось соглашение, что выбор женщины надо уважать, а выбор такой женщины, как Зоя, нужно уважать троекратно.

Тайка обо всем этом узнала лишь год спустя, когда уже четыре месяца была женой Сергея. Он как-то в порыве ночных откровений выложил ей свою семейную тайну и...

И потом неоднократно жалел об этом. Любящая его до беспамятства, Тая очень расстроилась за него. Обиделась на покойного отца Сергея, на Лешу,

Галина РОМАНОВА

которому все, а ему — ничего, но особо досталось Зойке. Приличная, по представлениям Таи, женщина никогда бы так не поступила с братьями. Она никогда бы не столкнула их лбами. И сколько бы ни пытался разубедить ее в этом Сергей, она с годами лишь укреплялась в мнении, что коварства и подлости в Зое хватит на десятерых..

— Слушай, малыш, — спохватился вдруг Сергей, метнулся от своего рабочего стола и поймал Таю уже на выходе из своего кабинета, — а может, ты все еще ревнуешь меня к ней, а?

— Я?! — Тая неподдельно изумилась. — Тебя?! К Зойке?! С какой стати?

— Ну, ты так всегда болезненно воспринимаешь ее и...

— Не болтай чепухи, родной мой. — Она взъерошила его светлые волосы и поцеловала в нос, рассмеявшись. — Просто мне иногда обидно за тебя, и все! Ты у меня такой умный, такой талантливый, и пахать тебе приходится за троих. Тебе надо завоевывать все то, что кому-то досталось просто так. А Зойка... Я ее считаю слишком мелкой и недостойной, чтобы ревновать к тебе. Она ведь не только тебя недостойна. Она и брата твоего, бездельника, недостойна тоже.

— Ну почему бездельника, малыш, почему бездельника? Он трудится, — забормотал Сергей, поняв, что сегодня поработать уже не удастся.

Жена прильнула к нему слишком тесно и податливо, чтобы он способен был сейчас вот взять и отказать от нее. Оттолкнуть, выпроводить из кабинета и снова засесть за работу. Он не смог, залез гу-

бами под ее волосы, добрался до нежной кожи под ключицей и замурлыкал:

— Ну, какой же он бездельник, малыш? Какой он бездельник?..

— Еще тот бездельник, — зашептала она со смешком. — Сам отдыхать собрался, на все лето уезжает, а тебя за себя оставляет.

— Разве это плохо?

— А что хорошего?

— То уже хорошо, что он мне доверяет, составил доверенность генеральную на мое имя. Это разве плохо? И зарплату на все три месяца мне положил. Кому-то это не понравилось, но он сразу сказал всем недовольным: за меня остается мой брат. О как!

— Брат! — возмущенным шепотом пробормотала Тая, совершенно сомлев в его руках. — С братом не мешало бы поделиться при таких-то доходах. А то нанял тебя, понимаешь, как...

— Нет, малыш, ты не права, — снова возразил Сергей, увлекая ее к крохотному дивану в углу кабинета. — Он не нанял меня, он попросил, потому что никому, кроме меня, не верит. Знаешь, сколько желающих было! Терехов все порывался зятя своего туда впихнуть.

— Этого пижона со скучными глазами? — ахнула Тая, послушно раздеваясь. — Которого к тебе коммерческим директором пытался втиснуть и которого ты не взял?!

— Его, его. Слушай, давай оставим эту тему, — вдруг взмолился Сергей, застряв в домашних штанах. — Меня это отвлекает, напрягает, в конце концов.

Галина РОМАНОВА

— Давай оставим, — согласилась она, но не удержалась и добавила: — Только не я тебя напрягаю, а семейство братца твоего. Ой, смотри, милый, как бы чего не вышло! Чует мое сердце, сюрпризов еще много они тебе преподнесут!..

Страшный телефонный звонок застал Сергея за городом, и не его даже застал, а Терехова Ивана Сергеевича, который, празднуя свое пятидесятилетие, пригласил гостей человек семьдесят. Шум, гам... Хаустов уже был готов через час удрать оттуда, но нельзя. Терехов и так косился на него за полученную от брата генеральную доверенность, дающую право управления делами в отсутствие Алексея. Да и отказ его зятю долго не мог простить. Пришлось и приглашение на юбилей принять, хотя вырвать этот кусок времени из забитого делами рабочего графика было очень сложно. И зятя пришлось взять на работу, тоже из политических соображений. Всего как неделю тот отработал. К слову, неплохим оказалось начало его трудовой деятельности, энергичным.

— Серега! Серега, иди к нам!

Под ивами на самом дальнем краю участка Тереховых обосновался в компании молодых девушек Антон Панов — его давний друг и помощник. Тот когда-то уже успел поменять легкие брюки с рубашкой на костюм. Сергей видел его перед выездом из города, Панов точно был без пиджака, а теперь почему-то переоделся. Перед девушками молодыми, видимо, пижонится. Ему было весело и необременительно в шумной толпе гуляющих. Чего Хаустов не мог сказать о себе, он откровенно всем этим тяго-

тился. К тому же Панов был холост и мог себе позволить порезвиться. А у Сергея жена имелась и пара маленьких мальчишек, которые вдруг раскапризничались, и Тая пришлось уехать с ними домой. Позвонила и сказала, что час уже, как сопят в кроватках сорванцы.

Он отошел от Панова с его шумной компанией подальше, окинул взглядом праздную толпу и со вздохом побрел к дому. Виновник торжества только что направился именно туда, и Сергею очень хотелось поймать его там и с виноватой миной отпроситься домой. Мотив благо к тому имелся основательный: Тая с детьми уехала, просила не задерживаться.

Ивана Сергеевича он нашел в гостиной на первом этаже. Тот с кем-то разговаривал по телефону. Новости, видимо, были не из приятных, потому что лицо его, обращенное сейчас к вошедшему Сергею, мрачнело все больше и больше. Когда Терехов опускал трубку, рука его заметно подрагивала.

— Сергей... — начал он медленно с непонятной печальной торжественностью. — Сергей, присядь.

Почему-то Хаустов его моментально послушался, хотя шел с намерением попрощаться и не собирался задерживаться, а тут послушно шлепнулся в кресло. Уставился на хозяина, потом вдруг нервно дернул губами и спросил:

— Что-то случилось, Иван Сергеевич?

— Да, Сергей, случилось, — не стал тот отрицать.

— Что?!

Тая только что звонила ему с домашнего, дети

Галина РОМАНОВА

спали, тут он мог быть спокоен, хотя и зашлось сердце в какой-то момент от страха за них.

— Твой брат Алексей... — снова медленно начал Терехов, тут же зажал пальцами глаза и просипел: — Какая нелепость, господи! Какая нелепость!!

— Что с ним?! — прокричал Сергей, настолько был напуган. — Что с Лешкой, Иван Сергеевич?!

— Он погиб... Его убили! Зарезали в собственной квартире. Мне только что позвонили из управления... Боже, кто бы мог подумать?! Кто?!

— Как зарезали?! Я не пойму! Он же должен был улететь сегодня с Зоей. А она?! С ней что?! — Он орал, как маленький, тонким-тонким фальцетом, зажав кулаки между коленей. — Что с Зоей?!

— С ней? — Тон Терехова мгновенно сделался ледяным. — С ней пока все в порядке. Ее ищут. Она скрылась с места преступления, Сережа. Вот так-то...

Сергей ничего не мог понять, ровным счетом ничего. И долго потом понять не мог, отвечая на вопросы в разных кабинетах.

Как могла Зоя, которая сдувала пылинки с Алексея, как она могла убить его?! За что же она воткнула ему нож под левую лопатку?! Ради денег, которые унесла потом в кожаном кейсе?! Но она ведь ни в чем не нуждалась. У нее и так всего было в достатке. Она не могла!..

Оказывается, смогла. И заранее все просчитала. И паспорт на другое имя себе заранее сделала, как выяснили со временем следователи. И мужа, умного, грамотного банкира, заставила взять колоссальную сумму денег со счета. Хотя и неразумно было перед дальним путешествием снимать такую на-

• *Жизнь нежна* •

личность. Она заставила, она! Потом убила его и скрылась с деньгами в неизвестном направлении.

— Вы ее найдете?! — спрашивал Сергей у каждого второго, с кем пришлось общаться в ходе расследования. — Вы найдете ее, ребята?!

— Постараемся, — туманно обещали они, пожимая плечами. — Она объявлена в федеральный розыск, но, сами понимаете... Знаете, сколько бегающих по стране преступников?

Он не знал. И статистика подобного рода его не интересовала. Его интересовал данный конкретный случай. Он очень хотел посмотреть беглой преступнице в глаза и задать один-единственный вопрос:

— Зачем ты это сделала?

ЧАБА 2

Прошло три года

Любимая тетка на нее рассердилась. Впервые, кажется, рассердилась, и по-настоящему. Непонимание племянницы, ее природная недалекость, унаследованная от матери, по мнению Полины Ивановны — так величали любимую тетку Полинки-младшей, ни до чего хорошего довести ее не могли.

— Знаешь, что становится уделом таких вот, будто бы утонченных птичек, как ты?! — воскликнула Полина Ивановна после десятиминутного сердитого молчания, во время которого смолила сигарету за сигаретой.

— Ну почему, тетя Поль, «будто бы»? — Полина

Галина РОМАНОВА

поморщилась. — Почему «будто бы»? Вечно вы ставите под сомнение мое хорошее воспитание.

— А ты вечно им кичишься, словно и... — Тетка пожевала полными, даже в старости сочными губами, пытаясь подыскать приличное слово, не нашла и брякнула: — Словно и в туалет никогда не ходила, Полинка!

— Тетя!

Полина конфузливо поморщилась. И это не было притворной стыдливостью, вовсе нет. Она и в самом деле не любила, не знала и старалась не слышать вокруг себя нехороших слов, хотя ими был полон окружающий ее мир. Она просто становилась глухой на оба уха, когда кто-нибудь рядом с ней принимался сквернословить. И сама никогда не прибегала к ним — к нехорошим словам, чтобы выразить свое возмущение, к примеру.

А то, о чем сейчас говорила ее тетя, было настолько глубоко интимным, что она даже наедине с собой не решалась об этом рассуждать, не то чтобы произносить вслух. Вот и покраснела, вот и поморщилась. А тетка тут же снова зафыркала, протестуя.

Ох, не дай бог ей когда-нибудь разболеться, сердилась тетя Полина, как она доктору станет говорить о своих недугах! Это же... это же до неприличия интимно.

— Спаси, господи, душу грешную моей сестрицы, — ткнула очередным бычком в переполненную пепельницу Полина Ивановна. — Надо же было на свет божий произвести такую белую ворону! Была бы ты, Польшка, уродиной при таком-то убогом вос-

питании, я бы тебя точно в монастырь спровадила. И даже бровью бы не повела, спровадила! Молилась бы ты там денно и ночью за спасение грешных наших душ. Умилялась бы цветочкам и божьим тварям разным. Грезила бы о новом пришествии, глядя страшненьким своим личиком в божий лик. Была бы ты страшненькой-то, а! А так-то ведь жаль! А ну-ка... А ну-ка пройдишь!

— Ну, тетя Поля! — взмолилась Полина, беспомощно всплескивая руками.

Она знала, что, если тетка прицепится, лучше не перечить. Когда та сердита, когда полпачки сигарет за час выкуривает, когда брови у нее домиком, а губы ломаной линией, лучше с ней не спорить. Лучше действительно встать с ее широченного дивана, занимающего добрую половину гостиной, и пройти до окна, а потом обратно.

Полина со вздохом, грациозно поднялась с мягких подушек, по привычке провела ладонью по подолу платья, прикрывающему колени, и медленно пошла. Она двигалась по обыкновению своему, выпрямив спину, чуть приподняв подбородок и ноги ставя именно так, как учат теперь манекенщиц. Только ее не для подиумов учили. Походке ее покойная мать обучила с раннего детства. Еще когда другие десятилетние девчонки сандалиями грязь загребали во дворах, Полина уже тогда гордо несла свою симпатичную головку.

— Женщина должна уметь красиво ходить, это ее и отличает от мужчин и обезьян, дорогая, — учила ее мать, водружая ей на голову мешочек с песком и выталкивая на середину комнаты. — Когда

Полина РОМАНОВА

ты подрастешь, то заметишь, как на улицах мало женщин, умеющих красиво ходить. Либо вихляют бедрами, либо горбятся, либо несутся, широко шагая и наклонив корпус вперед, как перед прыжком. Это не есть хорошо, дорогая...

Полина слушала ее, раскрыв рот. Слушала и слушалась, потому что мать была ее единственным авторитетом в жизни, ее единственной подругой, ее единственным родителем. К тому же мать очень часто называла Полину женщиной. И пускай она была еще очень юной, очень несмышленной, очень наивной, но женщиной. И оттого, что мать приобщала ее — совсем юную, несмышленную и наивную — к прекрасному взрослому необузданному племени женщин, у Полины всегда очень сладко ныло в груди и тревожно обрывалось в животе.

— Искалечила тебя моя сестрица, ох искалечила! — снова захохала тетка, когда Полина, сделав круг по гостиной, снова уселась на диван. — К такой красоте, к такой стати — и такие куриные мозги!

— Тетя Полина! Я прошу вас, ну, пожалуйста! — Полина заломила руки.

Тетка разошлась не на шутку. Сколько же еще придется слушать, что ее племянница глупа и недальновидна?!

— Девочка моя, послушай меня, я прошу! — продолжила тетя. — Ты очень красива, очень! В том, что ты не стала ничьей содержанкой при такой красоте, что ныне весьма ценится, не стала манекенщицей или артисткой, тьфу-тьфу-тьфу, не стала кокоткой, уж прости меня, конечно, в этом есть, есть заслуга моей сестрицы. Она воспитала те-

бя в строгой нравственности. Упокой, господи, ее грешную душу! Тут спорить не стану, она молодец. И ты тоже молодец, что не скурвилась!..

— Тетя!! — возмущенно зашипела Полина, снова покраснев.

— Ладно, не обращай внимания на старуху, — хихикнула тетя Полина и подмигнула ей. — Так о чем это я? Ах да! То, что ты выросла и осталась приличной женщиной, — прекрасно! А в чем истинное предназначение женщины, дорогая? В чем?!

— В чем? — эхом отозвалась Полина, вопроса такого еще не звучало, потому она и пошла на поводу у хитрющей тетки.

— В том, чтобы рожать детей, в том, чтобы продолжать род человечества. А род этот без мужчины не продолжится, как ты этого не понимаешь?! И мужчина этот должен быть тебе мужем, это ты со своим воспитанием должна понимать тоже! — Теткин кулачок с силой ударил по столу, обрушив пирамиду из окурков.

— Я понимаю. — Полина вжала голову в плечи, моментально поняв, куда тетка клонит.

— А если понимаешь, то почему собралась уходить от Антона, а?! Почему, я тебя спрашиваю?! — Тетя Полина теперь орала, а предавалась этому занятию она всегда с упоением, без стеснения выпуская из легких рвущуюся на волю мощь. — Он твой муж?! Муж! Детей ты хотела?! Хотела! Так в чем проблема?! Он что, импотент?! Он не в состоянии сделать тебе ребенка?! Отвечай, дрянь такая!!

Дрянь предпочла промолчать. К ответам на такие ужасные вопросы она не была готова. Чтобы об-

Галина РОМАНОВА

суждать с посторонними интимную жизнь со своим мужем?! Ни за что! Да она скорее умрет, чем рот откроет!

— Можешь не отвечать, — безошибочно угадала ее мысли тетка. — Разве ты сможешь ответить-то?! Ты же... Ты же от слова «член» в обморок упадешь, дурочка!

— Тетя, я вас прошу! — прошептала сквозь слезы стыда Полина и закрыла лицо руками. — Я не могу! Я не могу с вами об этом говорить!

— А с кем можешь-то? С кем? Ты же и с мужем со своим говорить об этом не желаешь, — с силой фыркнула Полина Ивановна, брызнув слюной, и тут же скоренько отерла рот рукой. — Он же с тобой пытался говорить об этом, Польшка? Пытался? Не отрицай, я знаю, что пытался.

Она согласно кивнула, без единого слова. Головы так и не подняла и рук от лица не отняла, стыд душил с такой силой, что, казалось, еще чуть-чуть и у нее от напряжения глаза повывлазят и лицо лопнет от кровавого давления на щеки.

Разве можно говорить о таком с посторонними людьми?! Пускай тетка не чужая, но... А Антон, что же, позволил себе говорить с тетей Полиной об их совместных проблемах?!

Боже правый, как стыдно, как ужасно! Что, интересно, он наговорил ей, что?

— Он сказал, что ты отталкиваешь его, когда он пытается тебя обнять, — осторожно начала тетка, когда Полина задала свой вопрос вслух, проговорив его про себя раз двадцать, наверное.

— Он не пытается меня обнять! Он меня... Он меня лапает, тетя!

Последние слова Полина произнесла с благоговейным ужасом. Посмотрела на тетку и решила, что наконец-то до той дошел весь ужас ее положения, потому что застыла с широко открытым ртом. С раскрытым ртом, не моргая, Полина Ивановна смотрела на племянницу, а та, воодушевившись, продолжила:

— Он меня лапает, тут, вот тут, вот так.

Она осторожно коснулась своей груди, бедер, ягодиц.

— И при этом он говорит такие ужасные вещи, — жалобно пискнула Полина.

— Какие? — сипло выдавила из себя Полина Ивановна, и грудь ее неожиданно заходила ходуном. — Какие вещи он говорит тебе, детка?

— Он требует, чтобы я... — Нет, смотреть на тетку она больше не могла, рассказывая о таком, поэтому отвернула лицо и продолжила: — Чтобы я разделась перед ним.

— И?

— И это днем, тетя! Белым днем, когда светит солнце и не зашторены окна, он требует, чтобы я все сняла с себя!

— И что же ты сделала? — Полина Ивановна уже почти задыхалась.

— Я? Я расплакалась и убежала к соседке.

— Та-аак... Что еще ужасного вытворяет Антон?

— Он заставляет принимать меня неприличные позы. И еще он все время говорит мне, что хочет меня. — Полину передернуло. — Когда лезет ко мне

Галина РОМАНОВА

под платье, он шепчет так судорожно, дышит, как животное, и все время повторяет: я хочу тебя, детка! Я хочу только тебя... тьфу!

— Ду-уурраа-а!! — с диким привыванием оборвала ее откровения Полина Ивановна, затрясла седой головой, застучала кулаками по столу и запричитала, не снижая голосовых оборотов:— Какая же ты дура-аа!! Ты гордиться должна, что мужик тебя хочет! Ты бы из него веревки вила, коли он не отходит от тебя! Ты бы... Позы он неприличные заставляет ее принимать, мать ее ети! А в каких ты позах собиралась дитя зачинать?! Сидя за столом за чашкой чая?! Ты совсем идиотка, Полинка, или прикидываешься?! Ты что, не знала, чем занимаются муж и жена в спальне?

— Знала. Конечно, знала, тетя.

Полина не на шутку перепугалась. Тетка выглядела сейчас ужасно: лицо побагровело, на шее вздулись вены толщиной с карандаш, руки трясутся. Не приведи бог, insult, что тогда?! Полина Ивановна хоть и бывала иногда сердита, но она все же была ее родственницей. На данный момент единственной оставшейся в живых родственницей. Если не считать мужа Антона, конечно. Но муж хоть и родня, но все же не кровная. И как слышала Полина, их часто меняют, мужей этих.

— Если знала, то какого черта замуж пошла, Полинка?! — Тетка со слабым оханьем ухватила за левую грудь. — Достань из комода таблетки, довела все же тетку, довела!

Полина испуганно встрепенулась и кинулась к комоду. Быстро достала из верхнего ящика тубик

валидола, выкатила одну таблетку тетке на ладонь. Дождалась, пока та положит ее себе под язык и сомкнет посиневшие губы, и лишь тогда снова вернулась на диван.

Вот угораздило ее начать этот ужасный разговор именно сегодня. Метеосводки неблагоприятные для людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, а тут она еще. Не надо было начинать сегодня. Не надо.

А с другой стороны, когда?! Вчера постеснялась, позавчера тоже, неделю назад тоже было совестно. Месяц назад заговаривать об этом вообще казалось неприличным, всего и женаты были с Антоном три месяца, и тут вдруг поднимать тему развода. Как-то нехорошо. И еще вчера вечером не знала, что начнет этот разговор уже сегодня, но после того, что было утром...

Все, решила Полина, она больше не может! Она больше не может видеть над собой его напряженное покрасневшее лицо. Она не может больше раздеваться под его прицельным прищуром и чувствовать себя при этом последней проституткой. Она не может больше раздвигать ноги и позволять ему рассматривать себя, и слушать его комментарии при этом не может тоже. И шлепки его... Господи, эти ненавистные смачные шлепки по ее попе! Она чувствовала себя при этом не женщиной, не женой, даже не проституткой, а лошадью, которую шлепают по крупу. Гадкой, грязной кобылой, стоявшей по колено в его словесном навозе.

— Я не думала, тетя Полин, что все это будет

Полина РОМАНОВА

так ужасно, — тихонько ответила Полина, зажав ладони меж коленок. — Я, наверное, фригидна, да?

— Не мели чушь! — оборвала ее Полина Ивановна чуть потвердевшим голосом. — Нет фригидных баб, есть фиговые мужики. И вообще фригидность эта на психике завязана, а ты у меня психически нормальна. Но не мешало бы быть немного раскованной, дорогая.

Быть раскованной Полина не хотела. Она всегда любила себя за хорошие манеры, красивую походку, чистоплотность и, конечно же, за ум, не позволяющий ей совершать ошибок. Антон стал ее первой ошибкой в жизни. И только ее ошибкой, больше ничьей. Ее никто не подталкивал к замужеству. Тетка даже рекомендовала не торопиться. Мать Антона тоже настоятельно просила прислушаться ей к своим чувствам и не спешить. Полина, помнится, даже обиделась слегка на нее за такой совет. На что будущая свекровь ей ответила:

— Мне кажется, Полиночка, что ты не совсем понимаешь, что такое любовь, а без нее ведь в замужестве никак нельзя. Небо с овчинку покажется. Стерпеться и слюбиться не у каждого получается...

Только теперь Полина и рассмотрела эту самую овчинку. Только теперь и поняла, что стерпеться и слюбиться у нее не получилось.

Да, Антон стал ее ошибкой. И она не допустит, чтобы ошибки эти стали повторяться. А тетка советует быть раскованной! Да ни за что! Ей бы вот только решить проблему и...

— Если ты хочешь получить от меня благословение на развод с Антоном, ты его не получишь! —

Быстро окрепший после сердечного недуга кулак Полины Ивановны с силой опустился на стол. — Поживи хотя бы год с ним, прежде чем разводиться. Постарайся увидеть в нем что-то хорошее. Полинка, ну разве он может не нравиться, а? Он же красавец! Бабы, глядя на него, слюни пускают, а ты нос воротишь. Разве можно таким мужиком брезговать?!

— Наверное, я не люблю его, вот и все.

Не стала спорить с теткой Полина, хотя многое могла бы рассказать об этом красавце несимпатичного. То, к примеру, с какой силой тот чистит нос по утрам в их общую раковину и как потом не все смывает оттуда за собой. Тьфу, гадкий!..

— Может, и не любишь, — очень быстро вдруг согласилась Полина Ивановна. — А ты что же, думаешь, что все до единого браки заключаются на небесах? Дурочка ты моя. Все по грешной земле ходим. А те браки, которым довелось состояться с божьего благословения, очень редки, поверь!

— Но у тебя же случился, тетя Поль, — возразила Полина, вспомнив покойного дядю Володю. — Вы же так любили друг друга. Вы же дышать не могли друг без друга.

— Не могли, — с печалью согласилась тетка, повесив голову на грудь, потянулась было за сигаретой, но тут же снова вскинулась с прежним азартом. — Но он ведь меня тоже лапал, Вовка-то! И вот здесь и здесь лапал! Хватал за все места и позы заставлял неприличные принимать.

— Те-етя-аа!!

Все, Полина больше не могла этого выносить. Вскочила и бегом на кухню. Если тетка не угово-

Галина РОМАНОВА

нится, она сейчас примется обои у нее со стен сры-
вать, и ремонт затеет, и плитку всю сколупнет с по-
ла, чтобы новую положить. Она займет себя чем
удобно, лишь бы не выслушивать никакой ереси
«про это».

Как это в духе времени, а! Как модно сейчас
стало всюду и везде говорить о сексе! В стародав-
ние времена заявляли, что в нашей стране секса
нет, а теперь все кинулись скопом опровергать это.

Есть! Есть, орут во все горло на каждом пере-
крестке, с каждого буклета, с экрана! Есть у нас
секс, да какой! И мы вас всех переплюнем, переце-
голяем и, прости господи, переперетрахаем, таким,
кажется, модным словом это сейчас зовется.

Низвели такое священное таинство до уровня
животного соития, зачем? Для чего?! Для рейтинго-
вых скандалов? Для сладострастного слюноотделе-
ния, после которого неизменно наступает тошнота?
Ведь это и в самом деле таинство, такое же точно,
как рождение ребенка, поскольку посредством его
дети и зачинаются. А они все что сделали?..

Это должно быть свято хранимо, верила когда-
то Полина. К этому не должно быть допущено ничь-
их посторонних глаз. А что сделал из всего этого
Антон?! Он распахнул двери их спальни настежь!
Он не только с теткой посмел рассуждать о пробле-
мах в их интимной жизни. Он ведь и с друзьями это
обсуждал. Может быть, с того момента проблемы
как раз и начались? Было это...

Да, все правильно. Случилось это через две не-
дели после их бракосочетания. Семейная пара, с ко-
торой Антон был дружен и до женитьбы, пригласи-

ла их за город на дачу. Была организована великолепная программа с театрализованным представлением, устроенным их детишками, купание в реке, барбекю. Полина была почти счастлива. Пока не зашла случайно в бильярдную. Правильнее, она шла туда, но не дошла, застыла на пороге.

Господи, она не хотела ничего подслушивать! Отмотай сейчас время назад, она все бы сделала, чтобы не слышать тех слов, которые сказал ее молодой муж:

— А моя Полинка стесняется, дуреха, заниматься сексом...

И он назвал ее утреннее положение таким гадким, таким отвратительным словом, что Полине показалось, будто ей на голову вывалили ведро с жирными жабами. Она замерла, зажмурившись, и все ждала, что же произойдет дальше. Рухнет небо на гнусную голову ее мужа или нет? Ну, если не небо, то хотя бы потолок.

Нет, ничего не рухнуло. Все осталось на своих местах: и небосвод, и плиты перекрытия загородного дома. И даже осудить Антона никто из его друзей не поспешил, а принялись скопом обсуждать, почему это у нее — у Полины — такое извращенное представление о сексе. Заметьте, не у них, а у нее! Не у них, бесстыдно распластывающих чужую интимную жизнь и заглядывающих во все потайные места, а у нее!

Еле хватило сил дождаться вечера. Еле хватило сил не устроить Антону сцену прямо там же, возле стола, обтянутого зеленым сукном. Воспитание не позволило. Оно и улыбаться заставило, и заставило

Полина РОМАНОВА

делать вид, что все просто отлично, что ей все нравится и что пощипывание мужем ее зада доставляет ей просто дикое удовольствие.

А стоило отъехать от дачи друзей на расстояние километров в десять, как она разрыдалась. Антон перепугался, помнится, начал приставать, допытываться, не обидел ли ее кто тайно. Она все отрицала и, разумеется, об истинной причине своих слез не рассказала ему. Опять виной тому ее природная застенчивость, касающаяся интимных вопросов. Да и стыдно было обвинять мужа в чем-то, когда он с таким волнительным пылом пытался ее утешить. Потом его волнение переросло в возбуждение. Оно у него все нарастало и нарастало и заставило его свернуть с дороги в ближайшую лесополосу. Там Антон, прекратив за нее переживать, поставил Полину именно так, как, с его слов друзьям, она стеснялась это делать, и...

И вот как раз в тот момент, уступая ему и двигаясь, стиснув зубы, в таком ритме, как он велел, Полина и поняла, что не любит его. Не любит своего мужа Антона, за которого выходила замуж в твердом уме, трезвой памяти и совершенно не по принуждению. Она его не любит, решила она тогда, с брезгливостью принимая из его рук влажную салфетку. Чувство то в тот момент было куда более глубоким и страшным, чем просто нелюбовь, но Полина не позволила себе именовать его ненавистью. Не позволила, потому что это было неправильно, нечестно по отношению к Антону. Это же грех, в конце концов, — ненавидеть собственного мужа. Его можно либо любить, либо нет, но вот ненавидеть было нельзя.

Она и не позволила себе. И в глубине души начала потихоньку привыкать к мысли, что все ее страдания — это нечто временное. Что когда-то они закончатся, и она снова обретет свободу и станет счастливой. Но уже без него, без Антона, без его вечного похотливого голода, без его грубых алчных рук, которым вечно хотелось ее тела. Это стало для нее главной и единственной теперь мечтой — освободиться от него. К этому она решила неторопливо стремиться и именно об этом заговорила сегодня с теткой, а она...

— Милая моя девочка, — переваливаясь с ноги на ногу, как огромная грузная утка, Полина Ивановна вплыла в кухню, где Полина страдальчески всхлипывала у окна. — Я не стану к тебе больше приставать с Антошей, поверь мне. Веришь?

Полина не верила, конечно, но все равно кивнула, чтобы не расстраивать тетку.

— Умница, — похвалила ее та, подошла к ней и погладила по плечу. — Просто ответь мне: вот если ты разведешься с Антоном, будешь всю оставшуюся жизнь коротать одна?

— Нет, — почти не раздумывая, ответила Полина и нисколько не лукавила. — Почему одна? Нет. Просто я хочу, чтобы у меня было так же, как у тебя с дядей Володи. Он такой был...

— Да обычный он был, Полька, — рассмеялась тетка, легонько ткнув ее кулаком между лопаток. — Обычный! Такой же, как и все. Просто он был именно моим мужчиной, понимаешь? И мне плевать было, что он сморкается утром в раковину, что сидит в туалете по полчаса с газетой и дымит «Беломором»

Галина РОМАНОВА

при этом, что храпит ночами... Господи, да я любила его со всем его дерьмом, уж прости меня! И нисколько не идеализировала, как ты свою мечту о принце.

— Ну почему обязательно о принце.

Полина недоверчиво покосилась на тетку. Поверить в то, что можно самозабвенно любить мужчину, вытворяющего все это, ей было очень сложно. Это, мало сказать, было неэтично, это было... было отвратительно! Ведь можно же жить как-то без всего этого, а? Как-то отгородив друг от друга все эти вынужденные гигиенические непристойности, можно ведь?

— Совсем безнадежная, — вздохнула тетка, выслушав ее недоуменную тираду. — Ты никогда не найдешь себе мужика, Полинка, если бросишь Антошу. Никогда!

— Почему?!

— Да потому что все мужики одинаковые, все! Они храпят, умываются, фыркают по утрам над раковиной, когда бреются, разбрызгивают мыльную пену по стенам и никогда почти не завинчивают тюбики с зубной пастой. А когда они сидят за рулем в пробках и нервничают, знаешь что все они почти без исключения говорят?

— Не знаю. — Полина заморгала в недоумении. — Честно не знаю. А что они говорят?

— Они вот так вот стучат по рулю, теребят мобильные телефоны и без конца матерятся. Твою мать! Да когда же, мать твою, все это закончится. Ну, или что-то в этом роде, дорогая.

— Да ладно! — не поверила Полина. — Есть же

мужчины, которым несвойственно выражать свои чувства непременно нецензурно. Есть же такие, которые таких слов не употребляют, а может, и не знают даже их.

— Да?! — Красивые густые брови тетки изогнулись дугой, а глаза насмешливо заблестели. — Познакомишь меня с ним, и я ему подарю две самые дорогие вещи, которыми обладаю.

— Это какие же?

Полина склонила головку набок. Теткино заявление было очень интригующим, многообещающим и, кажется, противоречило ее категоричному неприятию развода племянницы с Антоном.

— Я подарю ему тебя и свою квартиру, милая. А сама уйду в монастырь. Больше у меня ничего и никого нет! Только ты и квартира...

ШАБА 3

Он зашел в лифт, поглядел себе под ноги. Обнаружил следы чьей-то подсыхающей мочи на полу и оставил тяжелые пакеты в руках. А так хотелось швырнуть их к чертовой матери на пол. Стянуть с себя опостылевший пиджак, у которого еще с обеда промокла подкладка под мышками. Ослабить узел галстука и расстегнуть наконец две, нет, сразу четыре верхние пуговицы на рубашке.

Ох уж эта офисная роба! Ох и опостылела она ему!

Галстук обязателен, пиджак желателен, сороч-

Галина РОМАНОВА

ка непременно с длинными рукавами, чтобы манжеты с запонками выглядывали на полпальца из рукавов пиджака. А когда на улице плюс тридцать пять, это как? Как при такой жаре в пиджаке-то?

Пускай машина с «кондеем», пускай в офисе их на каждого по штуке, все равно! Все равно пиджак в такой зной раздражает. Одним своим призывающим к официозу видом раздражает!

— Так поменяй его на рабочую спецовку каменщика, идиот!! — заорала на него супруга Вера, когда он пару дней назад, вернувшись со службы, запулил пиджак в дальний угол их спальни.

В спецовку каменщика он не хотел, это точно. И сталевара, и плотника — тоже. Это бы означало вставать в шесть утра, плестись, наскоро позавтракав, к троллейбусной или автобусной остановке — тут были еще варианты. Потом отпахать смену надо было — тут уже без вариантов — и плестись назад тем же порядком.

Нет, в спецовку простого работяги он не хотел стопудово.

Но и пиджак успел надоесть до такой степени, что казался кандалами. Связавшими его с пяток до макушки кандалами. Пускай и дорогими, но все же кандалами.

— Слуша-аай! — ахнула как-то догадливая Верка, скрестив руки на своем пятом размере груди, которым жутко гордилась. — А может, тебе вообще все надоело, а, Витальча?! Не только пиджак и служба твоя обязательная и унылая, а вообще все, а?!

Да!! Да, хотелось ему орать в тот момент в полное горло, вообще все надоело! Все осточертело!!

Дорогая машина его не радовала! В большой квартире на двоих стало тесно! Холеная красавица-жена — его Вера, ухоженная от розовых атласных пяточек до густоволосой роскошной макушки — не возбуждала его теперь! Вообще никогда не возбуждала, ни днем, ни утром, ни ночью, ни вечером. Он поначалу-то перепугался, подумал, что все, кранты! Довела жизнь офисная до импотенции, пора по врачам да препаратами стимулирующими разговляться. Верка уже стала коситься, подкалывать, потом и в открытую претензии предъявлять. Он даже знакому сексопатологу позвонил, напросившись на прием. А потом вдруг...

А потом вдруг однажды у знакомых на даче он увидел ЕЕ. Увидел и сомлел. И не знал уже, куда свое возбуждение прятать. Оно было настолько очевидным, настолько вульгарно топорщилось в джинсах, что он поспешил натянуть на себя кожаный фартук и встал к мангалу, чтобы скрыть все. Но Верка, гадина глазастая, заметила. Фыркнула, многозначительно скосив взгляд на его пах, и прибормотала с угрозой:

— Ну-ну, Прохоров... На меня, стало быть, времени и здоровья не хватает, а тут на угли встал! Или тебя молодая жена Антона Панова так поддержала? Ладно, дома поговорим.

И ушла в дом, затаив зло на него. А он-то при чем?! Он-то что такого сделал?! Совсем ведь ничего, просто смотрел и все. Смотрел, как молодая жена Антона Панова ходит, как разговаривает, как наклоняется над столом, когда дотягивается до виноградной грозди. Он даже помечтать ни о чем таком

Полина РОМАНОВА

не успел, что сподвигло бы его на такой эротический выброс. Честно, не успел! Просто любовался чужой женщиной, и все. Почти...

Да ею, если быть откровенным до конца, все там любовались. И он, и хозяин дачи — Хаустов Серега — не мог от нее взгляда оторвать, и еще кто-то из приглашенных, кого Виталий не очень хорошо знал, тоже пялились на Полину Панову.

Она была...

Она была чудо как хороша! И ведь не выставляла себя напоказ, как Верка, к примеру. Та все норвила сиськи свои на весь белый свет из-за пазухи вывалить или ноги повыше обнажить. А Полина как раз наоборот, в отличие от других женщин, была больше всех одета. То есть на ней было очень много ткани для такой жары, которая стояла в выходные. Сарафан вроде бы был на ней, но плечи прикрыты, спина тоже не оголена, вырез на груди крохотным сердечком, подол ниже коленок. Все другие бабы были в шортах, таких крохотных, таких мелких, что нижняя часть задницы вываливалась и пупок наружу. Ноги, живот, все на обозрении — гляди, не хочу. Может, потому и глядеть на них не хотелось, а? Потому, что раздеты они были почти полностью? Что там оставалось воображению-то? Ничего ровным счетом. Только киснуть, принимая все, как видится. А Полина...

А вот над Полиной его воображение трудилось вдохновенно. И подол платья ей задирало. И пуговики крохотные на груди расстегивало лихорадочно. И по плечам гладило, и по спине нежными прикосновениями спускалось. И все казалось именно та-

ким великолепным и желанным, каким угадывалось под ее тонким сарафаном.

И он ведь не ошибся, предполагая, что она нежна, пуглива и стеснительна. Именно об этом потом говорил Антон. Тоже идиот, да? Нашел о чем рассказывать!

— Поинка моя прелесть просто, — надрывался он от восторга в бильярдной. — Только очень уж скованная, представляете, стесняется заниматься сексом...

За те слова, которые потом произнес Антон для присутствующих там мужиков, Виталий готов был забить ему в глотку кий. Причем не один, а все, что имелось в бильярдной. Нет, ну разве можно о таком говорить на людях, а?! Там ведь, по меньшей мере, человек семь уши грело, двоих из которых они с Антоном вообще впервые видели. А он несет такое! Разве можно о такой женщине, как Полина, на людях говорить?! Да ею нужно любоваться, как дорогой картиной, в тиши своего кабинета в одиночестве, а потом обратно запирать на ключ и никому не показывать. А он такие вещи на обсуждение выносит. Повезет же придуркам, а!

Одно хоть утешало, что Антон Панов осознавал, какой драгоценностью владеет. У него просто взгляд мутью подергивался, когда он смотрел на свою жену. Наверняка из спальни ее не выпускает, решил тогда не без зависти тайной Виталий.

Да, он бы и сам с такой девочкой там пропадал, в спальне-то. Снимал бы пласт за пластом с нее ее природную застенчивость, уничтожал бы в ней ее скованность, кроил бы на свой лад ее женское нача-

Галина РОМАНОВА

ло. Это ведь так интересно и волнующе: лепить женщину под себя. Не брать ее уже готовой и состоявшейся, умеющей все, знающей все, направляющей тебя же, а самому ее создавать.

Ему вот так, как Антону, в этом плане повезло меньше. Верка ему досталась уже матерой и распутной. И еще упакованной родителями в квартиры, машины, тряпки и драгоценности. Поначалу его это очень радовало. Не стоило напрягаться, надрываться, тратить силы, средства на приобретение семейного гнезда. На то, чтобы это самое гнездо сделать побогаче и поуютнее. Все досталось просто так, свалилось в руки вместе с волнующе дрыгающей шикарными ногами красавицей Верой.

Она ведь и правда была красавицей. Высокой, с роскошной грудью, тонюсенькой талией, длинными ногами. Личико тоже было ничего. То, что не долепила природа, исправила пластика. Волосы густые, длинные, черные как смоль. Тряхнет, бывало, головкой, стрельнет черными глазищами, мастерски подведенными, и все — спекся Виталья. А что Верка вытворяла в постели на тот момент, казалось ему вообще высшим пилотажем. И устраивало все, и приводило в дикий восторг, и не отягощало до поры до времени. А потом...

А потом все повисло тяжелой ношей на шее.

И просторная квартира — которую жена зачастую забывала убирать, а домработницы у них не держались из-за ее характера — казалась тюремной камерой. Он ведь не мог ее продать, обменять, разделить, она целиком и полностью принадлежала Верке. Какая же от этого радость?!

И работа, монотонная, однообразная, приносящая неплохой заработок, но не дающая независимости, надоела до чертей.

И Верка...

Господи, как ему надоела Верка! С ее замороженными постельными кульбитами. С ее бесстыдной привычкой ходить по дому голышом. С ее пронизательностью. Она же не просто догадывалась о каких-то его шалостях, она просто мысли его читала! Он иногда даже спать боялся, а ну как приснится что-нибудь запретное, а она уловит. Уловит, поймет, что он прячет на самом дне души своей, которая томилась от тоски и безысходности, и...

И выгонит его к чертовой матери! А куда он пойдет, куда? На улицу? В подворотню? Его ведь и со службы попрут тут же, потому что хозяин их конторы, Серега Хаустов, — друг и приятель его тестя, отца Верки.

Замкнутый круг просто какой-то получался, и выхода оттуда не виделось. Да и не очень-то хотелось искать выход, если уж быть до конца честным. Надоесть-то ему все надоело, но альтернативы-то не было. Не в работагах же в родном городишке век доживать и спать на скрипучем диване с швеей-мотористкой с соседнего предприятия.

Нет, это не для него. Ему такая вот жизнь нужна: упакованная. А что раздражение накопилось и надоедливым кажется все, так это пройдет. Это усталость, да еще нежелание спать с Веркой. Вот тут он, не кривя душой, скажет честно: опостытели ему ее циркулем распахнутые ноги. И грудь ее, бес-

Галина РОМАНОВА

стыдно целившаяся в него темными сосками, надое-
ла тоже. Выход есть?

Выход всегда есть. Надо было срочно завести постоянную любовницу, что он и пытался сделать, и не один раз. Не понравились претендентки, ни одна не понравилась. То алчная до денег. То в постели, будто за станком, монотонно все, без азарта и огонька. То дура какая-то занятая вечно, уговаривай ее, завоевывай на каждом свидании. Цветочки чтобы обязательно, знакомство с родственниками. А оно ему нужно?

Вот Полину бы он точно завоевывал. На нее времени было не жаль. И вот кого иметь в любовницах постоянных, так именно ее. Во-первых, скромна. Во-вторых, неболтлива. В-третьих — желанна, вот! Надо, надо подумать об этом на досуге и наметить план серьезных действий по ее обольщению, тем более что Антоном, кажется, она не очень довольна. Оно и понятно: стал бы умный мужик болтать такие вещи о своей жене, с которой и женат-то всего ничего.

— О-оо, мой муж вернулся!

Верка вынырнула из арки гостиной почти голышом. Считать стринги, шлепанцы и браслеты на руках одеждой Виталий не мог. Тут же ткнулась ему губами под подбородок, чего он терпеть не мог с их первого дня совместной жизни, у него там после бритья вечно случалось раздражение. Взяла у него пакеты и пошла, виляя голым задом, на кухню.

— Что там на улице? — спросила она.

— Жара, — ответил Виталий лаконично, стащил с себя пиджак, швырнул его на вешалку и поспешил

укрыться в ванной, закричав оттуда: — Вер, сделай мне, пожалуйста, салат мой любимый и...

Господи, о чем это он?! Какой салат? Да она хлеба самостоятельно нарезать не может, не то что салат приготовить. И хотя его любимым салатом был простейший: помидоры с мелко нарезанным чесноком, заправленные оливковым маслом, надеяться на такое чудо из Веркиных рук было большой смелостью.

— Чего? — заорала жена из кухни, разумеется не поняв, что он от нее хочет.

— Ничего! — рывкнул он в ответ и добавил много тише: — Сам сделаю. Оденься лучше!

Странно, но, кажется, жена его последнее желание если не расслышала, то угадала. Когда он вышел из ванной, она сидела за столом в легком спортивном костюме и кромсала прямо на стеклянной столешнице хлеб.

— Вера! — сморщился он, поспешив отнять у нее нож. — Ну что ты делаешь, а?! Ну, есть же разделочная доска!..

— Да? Где?

Она как-то очень странно посмотрела на него, с каким-то истеричным вызовом, что его не могло не насторожить.

— Так, где доска, Витальча? — Губы у жены задрожали, будто она собралась зареветь. — Я в кои-то веки собралась накормить тебя ужином, а ты!.. Ты вечно всем недоволен, скотина!

— Ужином?!

Это было равносильно тому, что жена сообщила бы ему о том, что ее записали в сборную по футбо-

Галина РОМАНОВА

лу. Спорт она ненавидела, равно как и кухню и все, что там следовало делать. Она даже есть не могла в кухне, таскаясь с тарелками по всей квартире и забывая потом чашки, ложки, вилки на подлокотниках кресел и диванов, на столиках, полках. А тут вдруг ужин! Это что-то новенькое.

— Милая!

Виталий нервно улыбнулся, подпернув спадающие домашние шорты. Вера, вытащив их однажды из машинки и не дав просохнуть, сразу начала утюжить, резинку в том числе. Хорошие были шорты когда-то: дорогие и нарядные. Виталий их для форсу надевал на утренние пробежки, когда в деловых интересах вынужден был заняться бегом, труся рядышком с одним из потенциальных клиентов. Очень уж тот любил утречком по городскому холодку дряблым задом потрясти, пришлось подстраиваться. А она взяла и постирала, а потом выгладила, вытянув все до безобразия. Для дома теперь только и годились, но соскакивали.

— Милая! — Виталий подхватил легкий стул и поставил рядом с Веркиным. — Что я слышу, а?! Моя маленькая девочка приготовила мне ужин? Правда? Мур-мур-мур..

И он начал тереться щекой о ее плечо. Потом осторожно погладил по спине, не встретил сопротивления, полез под кофточку. Услышал, как жена судорожно вздохнула, понял, что слезы ее внезапными были, блажными, а не по причине какой серьезной. Встал, подхватил Веру на руки и потащил ее в спальню.

Нет, ну разве можно думать мужчине, когда он

несет собственную жену на кровать, о всяких несуразностях? Таких, к примеру, как могла бы и сама прийти, не такая уж и невесомая. Роста с ним почти одного, кость широкая, бюст опять же килограммов на восемь тянет. Нет, дай ей романтизмом вечер наполнить. Она его весь день, отупев от безделья, придумывала. Сидела, чавкала орешками, таращилась в ящик, трещала по телефону с подружками и придумывала, придумывала, придумывала.

А чем вот сегодня себя можно было бы позабавить, а? Что такое на сегодня придумать, чего у них с Витальчей еще не было? Секс на балконе на перилах — почти был. В ванную к нему голая врывалась. При включенном свете и незашторенных окнах, так, чтобы видели их из дома напротив, сексом тоже занимались. И по полу катались на искусственной, но дорогой, зараза, шкуре перед полыхающим камином.

Все уже было перепробовано, все! А скука-то одолевает, и безделье покоя не дает. А чем еще можно занять себя и его, чем, когда он вернется со службы? Как отравить ему еще один домашний вечер, когда он хочет просто прийти, стащить с себя липкие от пота тряпки и просто рухнуть на диван перед телевизором?..

О таких вещах думать нельзя, понял Виталик, когда после нескольких безуспешных попыток скатился со скулящей Веры на кровать.

— Скотина! — тут же зашипела рассерженной гусыней жена и ударила его крохотной подушкой по груди. — Импотент несчастный! Пошел к черту!!

— Вер, я это... Прости, устал я... — замямлил он,

Галина РОМАНОВА

прикрывая глаза и удивляясь самому себе. — Да и поел бы чего-нибудь. Ты что-то там про ужин говорила. Я бы действительно съел чего-нибудь.

— Иди и ешь, — буркнула она сердито и повернулась к нему сердитой напряженной спиной.

Все понятно, извинения ему теперь не дожидаться за столь недостойное поведение. Он будет наказан за его нежелание обладать такой великолепной красавицей. Заговорит теперь она с ним, дай бог, к пятнице, а сегодня только вторник.

Он будет, возможно, высмеян в кругу подруг за завтрашним послеполуденным кофе, если Вера соизволит облачить свое роскошное тело в одежду и соизволит выползти на улицу.

И вполне вероятно, тему эту она затронет в ежедневном щебете со своим папашей. И тот станет беззвучно шевелить бескровными губами, хмурить отвратительные кустистые брови, будет катать перед собой по столу карандаш толстыми пальцами и думать, думать, как наказать побольнее своего безродного зятя. Как его побольнее щелкнуть и в каком месте.

А Виталий разве виноват?! Виноват, что осточертели они ему все?! И что видеть он не может ни капризной, развращенной ничегонеделанием Верки! Ни папы ее, Кощеем Бессмертным сидевшего на мешках с деньгами. Ни подруг ее, переспавших со всем городским бомондом. Никого он видеть не может...

Растерзанная неумелыми руками Веры буханка хлеба так и осталась лежать на стеклянном столе. Нож там же и еще куча хлебных крошек. Виталий

со вздохом убрал буханку в хлебницу, оставив пару кусочков, ужин-то был обещан. Спрятал нож, смахнул салфеткой крошки в ладонь, подумал недолго, прежде чем выбрасывать их в мусорку. Потом все же выбросил, хотя и поморщился, устыдившись. Что-что, а хлеб выбрасывать он не привык. Свято-татством считалось это в его простой рабоче-крестьянской семье, где дед по материнской линии всю жизнь проплужил в поле. В него это благоговейное уважение к хлебу вросло задолго до того, как он понял, что никогда не станет землепашцем.

Ужин, обещанный Веркой и так и не поданный ею, ждал его в сковороде под крышкой. Хватаясь за пластмассовую баранку крышки, Виталий ожидал увидеть все, что угодно, но только не сморщенную тонкую пленку подгоревшего омлета.

— Господи боже мой! — вырвалось у него со стоном, и крышка с колокольным звоном вернулась на место.

Неужели так тяжело напрячься и сделать для мужа хоть что-нибудь? Неужели ему каждый вечер, вернувшись с работы и приняв душ, необходимо снова влезать в какую-то одежду? И тащиться на улицу, усаживаться в полыхающую жаром мартина машину. Сидеть и ждать, пока кондиционер вытеснит слежавшийся плотным облаком зной. Барабанить пальцами по коленкам, по рулю, ждать, скрипеть зубами и думать, что...

Что швед с соседнего предприятия в его захудалом городишке и щей бы наваристых ему подала, в которых мясо размером с кулак плавало бы, и картошки рассыпчатой, и холодца...

Галина РОМАНОВА

Потом, насытившись и затянувшись долгожданной сигаретой — кто же на голодный желудок курит, дураки одни, — он, конечно же, посмеивался над своими голодными мечтаниями. Никогда ему не полюбить простушку из уезда, никогда. Даже ради глаз ее надежных и прекрасных, сытного ужина и аккуратно выглаженной сорочки он не свяжет жизнь с такой женщиной.

Он станет эту терпеть — неумелую в быту, блистающую в свете, предсказуемую в своих капризах и горой стоящую за него — за мужа своего. Она ведь порвать любого готова была за него. И не потому, что собственница жуткая была, а потому, что любила. Виталий был в этом уверен — любила, да еще как. Сюсюкала над ним ночами, когда думала, что он спит, мурлыкала всякие разности, приятные слуху. От баб, посягающих на их семейное счастье, стерегла пуще глаза. От папы своего охраняла также. Пожаловаться могла отцу, но вот чтобы допустить отцовские хищные руки до Виталия, никогда не допускала.

Нет, станет он жить с Верой. Хоть и дрянная баба, и не приспособленная к жизни вообще, но красавица и вовсе не дура. Дура, конечно, но не вовсе. А поесть сытно можно и в любимом ресторане, где за ним постоянно место было закреплено и где о вкусах его от официанта до шеф-повара все всё знали. Не его заслуга в том была, а тестя, но все равно приятно было, когда тебя под белы ручки через весь зал ведут, тут же скатерть меняют и, принимая заказ, сгибаются в три погибели.

В заводской рабочей столовке вряд ли такое с